

Annotation

David Herbert Lawrence. The Rocking-Horse Winner.

Перевод с английского Ларисы Ильинской.

- [Дэвид Герберт Лоуренс](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Дэвид Герберт Лоуренс

•

Победитель на деревянной лошадке

Рассказ

Жила на свете женщина, она была хороша собой и начинала свой путь со многими иными преимуществами, но не было ей удачи. Вышла замуж она по любви, любовь обратилась в прах. У нее росли прелестные дети, но они обременяли ее, и она не любила их. Дети смотрели на нее холодно, будто в чем-то обвиняли. И она спешила скрыть эту вину. Хотя и не знала, что именно ей надо было скрывать. И все же, когда дети были рядом, она чувствовала, что сердце ее каменеет. Это тревожило ее, и она старалась держаться с детьми как можно заботливее и нежнее, словно очень их любила. Лишь она одна и знала, что в сердце у нее есть каменный уголок и она не может любить никого. О ней говорили: «Какая прекрасная мать! Она обожает своих детей». Но только она одна да еще дети знали, что это не так. Они читали это в глазах друг друга.

У нее были мальчик и две девочки поменьше. Жили они в чудесном доме с садом, держали воспитанных слуг и чувствовали свое превосходство над всеми соседями.

И хотя жили они, ни в чем себе не отказывая, в доме постоянно витала какая-то тревога. Все время не хватало денег. У матери было небольшое состояние, у отца — тоже, но чтобы жить на широкую ногу, этих состояний не хватало. Отец поступил на службу. На это возлагались большие надежды, но им не суждено было сбыться. Все в доме мучительно ощущали недостаток денег и продолжали ни в чем себе не отказывать.

Наконец мать сказала: «Попробую-ка я что-нибудь сделать». Но она не знала, с чего начать. Она ломала голову, бралась то за одно, то за другое, но так ни в чем и не преуспела. Только неудачи прочертили на лице ее глубокие; морщины. Подрастали дети — пора было устраивать их в школу. Нужны были деньги, нужны были деньги. Отец оказался не способным ни к какому серьезному занятию, зато он любил дорогие изящные вещи. Но и матери, столь верившей в себя, удалось добиться ничуть не больше, а

расточительна она была не менее мужа.

И в доме точно поселилось невысказанное «Нужны деньги! Нужны деньги!» Дети слышали это непрестанно. Хотя никто ничего не говорил вслух. Они слышали это на рождество, когда детская наполнялась дорогими яркими игрушками. Из-за новенького блестящего коня-качалки, из-за нарядного кукольного домика доносился шепот: «Нужны деньги! Нужны деньги!» И дети бросали игру и прислушивались. Они заглядывали друг другу в глаза убедиться, что все они слышат одно и то же. И каждый читал в глазах другого: «Да, и я слышу: „Нужны деньги! Нужны деньги!“»

Случалось, так поскрипывали пружины коня-качалки, и он, наклонив деревянную морду, нетерпеливо грыз удила и тоже не пропускал ни слова. Большая розовощекая кукла сидела в новой колясочке и ухмылялась, она тоже все прекрасно слышала и оттого ухмылялась еще самонадеянней. Бестолковый щенок — он занял место игрушечного медвежонка — выглядел так поразительно бестолково именно потому, что слышал по всему дому тайный шепот: «Нужны деньги!»

Но никто никогда не произносил этого вслух. Шепот звучал повсюду, и не надо было ничего говорить вслух. Ведь не говорят же люди: «Мы дышим», хотя дышат все время.

— Мама, — спросил однажды сын, — почему у нас нет своей машины? Почему мы всегда берем дядину или такси?

— Потому что мы бедны, беднее наших родственников, — ответила мать.

— Но почему?

— Ну, я полагаю, — произнесла мать медленно, с горечью, — потому, что нашему отцу ни в чем не везет, нет ему удачи.

Поль задумался.

— Мама, везенье — это деньги? — спросил он робко.

— Нет, Поль, не совсем. Везенье помогает иметь деньги.

— А-а! — протянул мальчик. — Значит, когда дядя Оскар говорит «везенный металл», это он про деньги.

— Деньги называют презренным металлом, — поправила мать. — Оскар говорит «презренный металл».

— Ясно, — кивнул Поль. — Но тогда что же такое везенье, мама?

— То, что помогает иметь деньги. Если тебе везет, у тебя есть деньги. Так что не родись богатым, а родись счастливым. Богатый может разориться, потерять свои деньги. Но если ты везучий, у тебя всегда будут деньги.

— Правда?! А наш папа везучий?

— Нет, вовсе даже нет, — с горечью сказала мать.

Мальчик взглянул на нее недоверчиво.

— Почему? — спросил он.

— Не знаю. Никто не знает, почему одному везет, а другому нет.

— Правда? Совсем никто не знает? Никто, никто?

— Может быть, бог. Но он молчит об этом.

— Он должен сказать. Мама, а тебе тоже не везет?

— Мне не может везти, раз у меня такой муж.

— Ну, а себе самой, самой?

— До замужества мне казалось, что везет. А теперь, думаю, я очень несчастна.

— Почему?

— Ну, да неважно! Может, это и не так.

Мальчик пытливо посмотрел на нее: что она хочет этим сказать? Но складки у губ говорили лишь о том, что она хочет что-то скрыть от него.

— А я вот везучий, — сказал Поль решительно.

— Это почему же? — рассмеялась мать от неожиданности.

Мальчик пристально взглянул на нее. Он и сам не знал, отчего у него вырвалось такое.

— Мне сказал бог, — выпалил Поль.

— Хорошо бы, милый! — И она опять горько рассмеялась.

— Он сказал мне, мама!

— Отлично! — воскликнула мать (это было излюбленное папино словечко).

Поль видел, что мать ему не верит, во всяком случае, не принимает его слова всерьез. Это обидело его, и он решил убедить ее в своей правоте.

Мальчик пустился в поиски, наугад, по-детски пытаясь разгадать, что же такое «везенье». Погруженный в себя, никого не замечая, он слонялся по дому и тайно, втихомолку искал «везенье». Он жаждал его, жаждал, жаждал. Когда в детской девочки играли в куклы, Поль взбирался на коня-качалку и, рассекая воздух, бешено раскачивался, своим неистовством приводя в смущение младших сестреночек. Конь несся во весь опор, темные вьющиеся волосы мальчика развевались, глаза невыразимо блестели. В такие минуты сестры не решались заговорить с ним.

А когда неистовая скачка кончалась, Поль слезал с коня и долго, неотрывно глядел ему в опущенную морду. Алые губы коня приоткрывались, взгляд огромных, широко открытых глаз стекленел.

— Ну же! — командовал он храпящему коню. — Неси меня вперед, к

везенью! Вперед!

Он стегал коня по холке маленьким кнутом, который подарил ему дядя Оскар. Поль был уверен, конь домчит его к удаче, нужно только его заставить. Мальчик снова взбирался на коня, снова пускался в неистовый скак: он должен туда добраться. И знал, что доберется.

— Поль, ты сломаешь коня, — волновалась няня.

— Поль всегда так скачет! Пусть лучше оставит коня в покое! — сердилась старшая из сестер, Джоан.

Но мальчик упорно молчал и пристально смотрел на них. И няня сдалась. Что она могла с ним поделывать? Он уже был не в ее власти.

Однажды во время такой бешеной скачки в комнату вошли мать и дядя Оскар. Поль даже не заметил их.

— Привет маленькому жокею! Пришел первым, а? — воскликнул дядя Оскар.

— По-моему, ты слишком взрослый для коня-качалки. Ты ведь уже не маленький мальчик, правда? — заметила мать.

Поль промолчал, только еще сильнее заблестели его большие синие глаза. Когда он скакал во всю прыть, он ни с кем не разговаривал. Мать с тревогой следила за сыном.

И вдруг, резко оборвав галоп, он остановился и слез с коня.

— Вот я и добрался! — решительно объявил Поль; он стоял, широко расставив ноги, синие глаза его все еще блестили.

— Куда же ты добрался? — спросила мать.

— Туда, куда хотел. — Глаза мальчика вспыхнули.

— Молодец, сынок! — одобрил дядя Оскар. — Пока туда не доберешься, не останавливайся. Как зовут коня?

— Никак не зовут, — ответил мальчик.

— Ему и так неплохо? — спросил дядя Оскар.

— Ну, у него бывают разные клички. На прошлой неделе его звали Сансовино.

— Тот, что выиграл «Аскот»?* Откуда ты о нем знаешь?

— Он все время говорит о скачках с Бассетом, — вмешалась Джоан.

Дядюшка обрадовался: его маленький племянник разбирается в скачках! Молодой садовник Бассет, раненный на войне в левую ногу, бывший ординарец Оскара Кроссуэла, через которого он и получил свое теперешнее место, был завсегдаем скачек. Он страстно увлекался ими и увлек мальчугана.

Оскар Кроссуэл узнал об этом от самого Бассета.

— Пришел ко мне как-то мастер Поль и давай спрашивать, так что

пришлось ему все рассказать, сэра. — Бассет произнес это до того серьезно, словно речь шла о вере в бога.

— А он когда-нибудь ставил на лошадь, которая ему приглянулась?

— Не хочу выдавать его, сэра, парнишка-то совсем маленький, такой хороший парнишка, сэра. Вы уж лучше спросите его самого. Ему это вроде в удовольствие, а так он подумает, я его предал, уж лучше спросите сами, сэра.

Бассет был серьезен, как проповедник. Оскар вернулся к племяннику и повез его покататься на машине.

— Поль, дружище, скажи мне, ты когда-нибудь ставил на лошадь?

Мальчик в упор взглянул на дядю.

— А что, мне нельзя? — уклонился от ответа Поль.

— Что ты, совсем наоборот! Я хотел с тобой посоветоваться, на кого мне ставить на «Линкольне».^[1]

Машина уже выехала за ворота и направлялась к дядюшкиному дому в Гемпшире.

— Слово чести? — спросил мальчик.

— Слово чести, сынок! — ответил Оскар.

— Ну, раз так, ставьте на Даффодила.

— Даффодила? Сомневаюсь, сынок. А как насчет Мирзы?

— Я знаю только победителя, — сказал Поль. — Это Даффодил.

— Неужели Даффодил?

Мальчик промолчал. Даффодил никогда не числился в фаворитах.

— Дядя!

— Да, сынок?

— Вы больше никому об этом не скажете? Я обещал Бассету.

— Черт подери этого Бассета, дружище! Он-то тут при чем?

— Мы с ним партнеры. С самого начала. Он, дядя, одолжил мне Первые пять шиллингов, а я их проиграл. Я дал ему слово чести, что все это останется между нами; а выигрывать я начал только тогда, когда вы, дядя, дали мне те десять шиллингов, — так что вам везет. Вы ведь никому не скажете, правда?

Мальчик испытующе посмотрел на дядю своими большими яркосиними глазницами. Дядя смущенно рассмеялся:

— Ты прав, сынок! Я сохраню всё в тайне. Так, значит, Даффодил? Сколько же ты на него ставишь?

— Все, кроме двадцати фунтов, — ответил мальчик. — Двадцать фунтов оставляю про запас.

Дядя решил, что Поль шутит.

— Так, значит, двадцать фунтов оставляешь про запас, а, маленький фантазер? Сколько же ты ставишь на Даффодила?

— Я ставлю триста, — важно сказал мальчик. — Но это между нами, дядя Оскар! Слово чести? Дядя Оскар расхохотался.

— Ладно, все останется между нами, маленький Нат Гулд,^[2] — сказал Оскар со смехом. — А где же твои три сотни?

— Они у Бассета. Мы же партнеры.

— Само собой! А сколько ставит на Даффодила Бассет?

— Думаю, он поставит меньше, чем я. Наверное, сто пятьдесят.

— Чего, пенсов? — рассмеялся дядя.

— Фунтов. — Мальчик удивленно посмотрел на Оскара. — Бассет про запас оставляет больше меня.

Дядя Оскар озадаченно замолчал. Он решил никому обо всем этом не рассказывать, а Поля взять с собой на скачки.

— Итак, сынок, ставлю двадцать фунтов на Мирзу и пять за тебя на любую лошадь, какую захочешь. Так на какую?

— На Даффодила, дядя.

— Нет, на Даффодила не могу.

— Были бы пять фунтов мои, я бы поставил, — сказал Поль.

— Ладно! Ладно! Пусть будет по-твоему! Ставлю на Даффодила, пять за тебя и пять за себя.

Поль никогда прежде не был на скачках, синие глаза его горели. Сжав губы, он внимательно следил за происходящим. Прямо перед мальчиком сидел француз, он поставил на Ланселота. Размахивая руками, вне себя от возбуждения, он кричал с сильным акцентом: «Ланселот! Ланселот!»

Первым пришел Даффодил, вторым Ланселот, третьим — Мирза.

Поль покраснелся, глаза его сияли, но держался он на редкость невозмутимо. Дядя Оскар принес ему четыре пятифунтовых билета, выигрыш был четыре к одному.

— Что с ними делать? — воскликнул Оскар, размахивая перед носом Поля деньгами.

— Я думаю, надо поговорить с Бассетом, — ответил мальчик. — Теперь у меня, наверное, тысяча пятьсот фунтов и двадцать в запасе, и еще эти двадцать.

Дядя Оскар пристально взглянул на Поля.

— Послушай, сынок, — начал он. — Ты, конечно, шутишь насчет Бассета и полутора тысяч?

— Вовсе нет. Но это только между нами, дядя. Слово чести?

— Ладно, сынок, слово чести! Но я должен поговорить с Бассетом.

— Если вы хотите быть нашим партнером, мы можем быть все вместе, втроем. Только, дядя, дайте слово чести, что об этом никто больше не узнает. Нам с Бассетом везет, и вам, наверное, тоже везет, потому что с ваших десяти шиллингов я и начал выигрывать.

Днем дядя Оскар взял Бассета и Поля в Ричмонд-парк,^[3] чтобы там поговорить с ними.

— Вот, сэр, как оно вышло-то, — начал Бассет. — Мастер Поль все выпрашивал, как там на скачках, да что говорят, да всякое такое. И все хотел знать, выиграл я или нет. Уж теперь, почитай, год прошел, как я поставил за него пять шиллингов на Отблеск Зари, и мы проиграли. А потом нам повезло на Сингальца, когда вы ему дали десять шиллингов. И с тех пор мы почти всегда выигрываем, такие вот дела. А вы что скажете, мастер Поль?

— Когда мы уверены, у нас все в порядке, — сказал Поль. — А когда не совсем уверены, то проигрываем.

— Но тогда мы осторожны, — вставил Бассет.

— А когда вы уверены? — улыбнулся дядя Оскар.

— Это все мастер Поль, сэр, — таинственно и важно заметил Бассет. — Он вроде узнает про это оттуда, с небес. Вроде как сегодня про Даффодила. Тут уж все было ясно как божий день.

— И ты поставил на Даффодила? — спросил Оскар Кроссуэл.

— Да, сэр, поставил.

— А мой племянник?

Бассет упрямо молчал, глядя на Поля.

— Я выиграл тысячу двести, правда, Бассет? Я уже сказал дяде, что поставил триста на Даффодила.

— Так оно и есть, сэр, — подтвердил Бассет.

— Но где же деньги? — спросил дядя Оскар.

— Они у меня припрятаны, сэр, целехоньки. Мастер Поль может взять их, когда захочет.

— Что, тысячу пятьсот фунтов?!

— И еще двадцать! Даже сорок, вместе с сегодняшними.

— Поразительно! — воскликнул дядя Оскар.

— Мастер Поль предлагает вам стать партнером, сэр, простите меня грешного, что советую, но я б на вашем месте согласился.

Оскар Кроссуэл задумался.

— Я хочу взглянуть на деньги, — сказал он.

Они вернулись домой, и Бассет в самом деле принес в беседку тысячу пятьсот фунтов. Двадцать фунтов они оставили у Джо Гли, на счете при

тотализаторе.

— Понимаешь, дядя, когда я уверен, у нас все в порядке! И мы не глядя ставим на все деньги. Верно, Бассет?

— Верно, мастер Поль.

— А когда ты уверен? — смеясь, спросил дядя Оскар.

— О, иногда я совершенно уверен, ну, как с Даффоцилом! — воскликнул мальчик. — Иногда у меня есть предположение, а иногда и предположения нет, правда, Бассет? И тогда мы осторожны, потому что почти всегда проигрываем.

— Ясно, ясно! А когда ты уверен, как с Даффоцилом, почему ты уверен, сынок?

— Ну, я не знаю, — смутился мальчик. — Просто уверен, вот и все.

— Ну точно кто шепнул ему с небес, сэр, — снова подсказал Бассет.

— Должно быть, так и есть, — согласился Оскар.

И стал их партнером. А когда подошли следующие скачки, «Лиджер», Поль был «уверен», что победит Веселая Искорка, лошадь ничем не примечательная. Мальчик настоял, чтобы на Искорку за него поставили тысячу фунтов. Бассет отважился на пятьсот, а Оскар Кроссуэл — на двести. Веселая Искорка пришла первой, и выигрыш платили десять к одному. Поль получил десять тысяч.

— Видите, — сказал он. — Я был совершенно уверен.

Даже Оскар Кроссуэл выиграл две тысячи.

— Послушай, сынок, — сказал он. — Мне от всего этого как-то не по себе.

— Ну что вы, дядя! Я теперь, наверное, долго не буду уверен.

— А что ты собираешься делать с деньгами? — спросил Оскар.

— Да я, — начал мальчик, — затеял все это ради мамы. Она сказала, что ей не везет, потому что не везет папе, и я подумал, если повезет мне, может, он перестанет шептаться.

— Кто перестанет шептаться?

— Наш дом. Я ненавижу его за этот шепот.

— Что же он шепчет?

— Ну. Ну. — Мальчик заволновался. — Не знаю я. Но у нас всегда не хватает денег, понимаете, дядя.

— Да, сынок.

— Маме все время присылают счета.

— Да, к сожалению, это так.

— И тогда в доме словно кто-то начинает шептать, а то и смеется у тебя за спиной. И так страшно, так страшно! Вот я и подумал, если мне

повезет.

— Ты сможешь покончить с этим, — продолжил за него дядя.

Большие синие глаза мальчика холодно блеснули, и он не прибавил больше ни слова.

— Ладно! — воскликнул дядя. — Что же нам делать?

— Я не хочу, чтобы мама узнала, что мне везет, — сказал Поль.

— Но почему?

— Она запретит мне.

— Не думаю.

— Нет, дядя! — Лицо мальчика исказилось. — Я не хочу, чтобы она узнала.

— Хорошо, сынок! Устроим все без ее ведома.

И они все легко устроили. Полю посоветовали передать пять тысяч фунтов дяде, который отдал деньги адвокату их семьи, а тот должен был сообщить матери Поля, что один из родственников передал в его руки пять тысяч фунтов и в течение пяти лет в каждый ее день рождения она будет получать по тысячу фунтов.

— Итак, в течение пяти лет она будет получать в подарок по тысяче фунтов. Надеюсь, это не станет для нее новым испытанием.

День рождения у матери был в ноябре. Дом «шептался» как никогда, и Полю, несмотря на везенье, стало невыносимо. Ему страстно не терпелось увидеть, как мать примет письмо, то, что придет в день рождения и сообщит ей о тысяче фунтов.

Теперь, если только в доме не было гостей, Поль садился за стол вместе с родителями — он уже вышел из-под опеки няни. Почти каждый день мать ездила в город. Оказалось, ей прекрасно удаются, эскизы тканей и мехов, и она тайком работала в студии своей подруги, та была главной художницей у ведущих модельеров. Мать Поля рисовала для газетных реклам фигуры дам в мехах, в шелковых платьях с блестками. Ее подруга зарабатывала в год несколько тысяч фунтов, а мать Поля — всего несколько сотен и, конечно, снова была недовольна. Ей так хотелось быть хоть в чем-нибудь первой, но никак не удавалось, даже в рисунках для рекламы.

Утром в свой день рождения мать Поля спустилась к завтраку. Мальчик не сводил с нее глаз, пока она просматривала почту. Он знал, как выглядит письмо адвоката. Мать читала это письмо, и лицо ее каменело. А затем приняло холодное, решительное выражение. Она спрятала письмо под остальные письма и ни словом о нем не обмолвилась.

— Мама, у тебя сегодня в почте не было ничего приятного? — спросил Поль.

— Ничего стоящего, — холодно, рассеянно ответила мать.

И, не прибавив ни слова, уехала в город.

А днем появился дядя Оскар. Он рассказал, что его сестра долго беседовала с адвокатом — выясняла, нельзя ли получить все пять тысяч сразу, ей надо расплатиться с долгами.

— Как же нам быть, дядя? — спросил Поль.

— Как ты решишь, так и будет, сынок.

— Пусть берет все! Мы еще раздобудем, — решил мальчик.

— Что, малыш, лучше одна птичка в руках, чем две в кустах?

— Я обязательно угадаю на «общенациональных», или «линкольнширских», или на «дерби». Обязательно угадаю, хотя бы на одних, — заверил Поль.

Итак, дядя Оскар подписал бумаги, и мать Поля получила все пять тысяч фунтов. И тут произошло нечто удивительное. Голоса в доме словно обезумели, хор лягушек в весенний вечер, да и только. Разумеется, в доме появилась новая мебель, а к Полю стали ходить учителя. И будущей осенью он действительно поступил в Итон, школу, которую кончал его отец. Зимой в доме всегда были цветы, и расцвела та роскошь, к которой была приучена мать Поля. И все же из-за веток мимозы и цветов миндаля, из-за груды переливающихся диванных подушек голоса в доме заливались и вопили: «Нужны деньги! Нужны деньги! Теперь, те-е-перь нужно еще больше денег! Еще больше! Еще больше!»

Поль приходил в ужас. Он изучал в это время с домашними учителями латынь и греческий. Но самые напряженные часы он проводил теперь с Бассетом. Прошли общенациональные скачки. Поль не был «уверен» и проиграл сто фунтов. Близилось лето, он мучительно ждал «Линкольна». Но и на «Линкольне» он не был «уверен» и проиграл пятьдесят фунтов. Мальчик бродил отрешенный, взор его блуждал, казалось, в нем вот-вот что-то взорвется.

— Брось! Не стоит так волноваться! — уговаривал его Оскар.

Но мальчик, похоже, и не слышал, что говорил ему дядя.

— Я должен угадать на «дерби»! Я должен угадать на «дерби»! — твердил Поль, и его огромные синие глаза светились безумным блеском.

Мать заметила, что с мальчиком творится что-то неладное.

— Тебе надо поехать к морю. К чему эти ожидания? Лучше поехать к морю. Да, пожалуй, так будет лучше, — сказала она, озабоченно глядя на сына и чувствуя непривычную тяжесть на сердце.

Мальчик устремил на нее блуждающий взгляд.

— Я никак не могу уехать до начала «дерби», мама! — вскричал он. —

Никак не могу.

— Но почему? — Когда она кому-либо возражала, голос ее был тверд. — Почему? Ты же сможешь приехать на «дерби» с дядей Оскаром, если все дело в этом. Нет никакой нужды ждать здесь. И к тому же ты, по моему, слишком много думаешь о скачках. Это дурной знак. В моей семье многие были игроками, когда ты вырастешь, поймешь, сколько это нам принесло несчастья. Ты уж мне поверь. И если ты не пообещаешь мне быть благоразумным — поехать к морю и забыть о скачках, придется просить дядю Оскара не говорить с тобой больше о них и рассчитать Бассета. Ты же комок нервов!

— Я сделаю все, что захочешь, мама, только не отсылай меня отсюда до конца «дерби».

— Откуда не отсылать? Из нашего дома?

— Да, — ответил Поль, не отводя взгляда.

— Но почему, странный ты мальчик, откуда вдруг такая привязанность к этому дому? Вот уж не думала, что ты его любишь.

Поль, молча, пристально смотрел на мать. У него была тайна тайн, которую он не поверял даже Бассету и дяде Оскару.

Мать постояла в грустном раздумье, потом сказала:

— Что ж, раз не хочешь, можешь не ехать к морю до конца «дерби». Но обещай не доводить себя до нервного расстройства, обещай, что не будешь так много думать о скачках и всяких там результатах, как ты их называешь.

— Нет, — задумчиво откликнулся мальчик. — Я не буду о них много думать. Ты не волнуйся. Я бы не стал на твоём месте волноваться, мама.

— Интересно, что бы мы стали делать, — сказала мать, — будь ты на моем месте, а я — на твоём.

— Но тебе не надо волноваться, мама, поверь мне, — повторил мальчик.

— Как я хотела бы верить в это! — сказала она устало.

— Это так, поверь. Я хочу сказать, ты должна верить, что не надо волноваться.

— Должна? Что ж, посмотрим.

Тайной тайн Поля был его деревянный конь, тот, у которого не было клички. С тех пор, как мальчик вышел из-под опеки няни и гувернантки, он перенес коня наверх в свою комнату.

— Право, ты слишком большой для коня-качалки! — увещевала Поля мать.

— Понимаешь, мама, пока у меня нет настоящего коня, пусть будет

хоть какой-нибудь ненастоящий, — схитрил мальчик.

— Он тебе нужен для компании? — рассмеялась мать.

— Да! Он очень хороший, и мне всегда с ним весело.

И вот этот конь с облупившимися боками застыл горделиво в спальне Поля.

До начала «дерби» остались считанные дни, и мальчик становился все возбужденней. Он едва держался на ногах, взгляд его блуждал, он почти не слышал, когда к нему обращались. А его мать то и дело охватывали необъяснимые приступы тревоги. По временам тревога становилась почти нестерпимой. Женщине хотелось броситься к сыну, убедиться, что ему ничто не угрожает.

За два дня до «дерби» мать была на званном вечере в городе, и там ее вдруг снова охватила тревога за сына, ее первенца; сердце сжалось, и она едва могла говорить. Она попыталась бороться с этим сильным, неодолимым чувством, потому что верила в здравый смысл. Но это оказалось выше ее сил. Ей уже было не до танцев, и она спустилась вниз позвонить домой. Гувернантка была безмерно удивлена и встревожена ночным звонком.

— Мисс Уилмот, с детьми все в порядке?

— Разумеется.

— А Поль? Как он?

— Когда ложился спать, все было прекрасно. Подняться посмотреть?

— Нет! — сказала мать Поля решительно. — Не надо! Не надо его беспокоить. Все в порядке. Идите ложитесь. Мы скоро вернемся.

Ей не хотелось нарушать уединение сына.

— Хорошо, — ответила гувернантка.

Около часа ночи родители Поля подъехали к дому. В доме царил тишина. Мать Поля прошла к себе в комнату и сбросила белую меховую накидку. В тот вечер она велела служанке не дожидаться ее. Она слышала, как муж внизу смешивает виски с содовой.

Волнение ее нарастало: крадучись она поднялась наверх к комнате сына. Бесшумно прошла по коридору. Какой-то слабый звук. Что это?

Она застыла возле двери и прислушалась. Станный, резкий, но негромкий звук. Сердце ее замерло. Неумолчный, настойчивый шум. Словно от сильных прерывистых движений. Что это? Господи, что это? Она должна знать. Она узнает этот звук. Такой знакомый...

Но что же это? Она не могла понять, что это. А звук повторялся и повторялся, как наваждение.

Холодея от волнения и страха, мать осторожно повернула ручку двери.

В комнате было темно. Только возле окна что-то вздымалось и опускалось. Она застыла в ужасе и изумлении.

А потом резко включила свет и увидела: сын в своей зеленой пижаме сидел на коне-качалке и бешено раскачивался. Резкий свет осветил мальчика, погоняющего деревянного коня, и в проеме двери — его мать, светловолосую, в бледнозеленом прозрачном платье.

— Поль! — воскликнула она. — Что ты делаешь?

— Это Малабар! — Голос мальчика звучал непривычно сильно. — Это Малабар!

На мгновение Поль остановился, устремив на мать дикий, бессмысленный взор. И тут же с грохотом упал на пол, а она, вдруг мучительно ощутив себя матерью, бросилась к нему.

Но мальчик уже потерял сознание и долго потом лежал в забытьи. Он метался и говорил, говорил, а мать, окаменевшая, сидела подле него.

— Малабар! Это Малабар! Бассет, Бассет, я знаю! Это Малабар!

Так кричал ребенок и пытался подняться и снова прищипорить того, кто вдохновил его на ясновидение.

— Что значит Малабар? — с холодеющим сердцем спросила мать.

— Не знаю, — отозвался отец, лицо его словно застыло.

— Что такое Малабар? — спросила она своего брата Оскара.

— Это лошадь, она участвует в «дерби».

И вопреки своей воле, Оскар рассказал обо всем Бассету и сам поставил тысячу фунтов на Малабара, при ставке четырнадцать к одному.

Третий день болезни стал самым важным: ждали перемен. А мальчик все метался и метался. Он не спал, но и не приходил в сознание: глаза его сияли, словно два синих кристалла. Мать сидела рядом и чувствовала, что сердце ее и в самом деле превращается в камень.

Вечером не пришел дядя Оскар, зато прислал записку Бассет: он просил разрешения зайти только на минуту, только на одну минуту. Такое непрошенное вмешательство вызвало поначалу у матери Поля гнев, но, поразмыслив, она согласилась. Мальчику не становилось лучше. Может, Бассету удастся вывести его из забытья.

Садовник, приземистый парень с темными усиками и колючими темными глазками, на цыпочках вошел в комнату; дотронувшись до воображаемой кепки, поклонился матери Поля и боязливо двинулся к кровати, не сводя блестящих маленьких глаз с умирающего ребенка.

— Мастер Поль! — зашептал он. — Мастер Поль! Малабар пришел первым, наша взяла, чистая победа. Я сделал, как вы мне сказали. Вы выиграли больше семидесяти тысяч фунтов, так оно и есть, теперь у вас

больше восьмидесяти тысяч. Малабар пришел первым, мастер Поль.

— Малабар! Малабар! Мама, я же говорил Малабар, правда? Я же говорил? Как ты думаешь, мама, я везучий? Я ведь знал про Малабара, правда? Больше восьмидесяти тысяч фунтов! Я ведь знал, верно, я ведь знал? Малабар пришел первым, наша взяла. Если мне удастся обрести уверенность, я говорю тебе, Бассет, тогда ты можешь ставить сколько угодно. Бассет, ты поставил на все свои деньги?

— Я поставил тысячу, мастер Поль.

— Я раньше не говорил тебе, мама: если я скачу на коне и добираюсь туда, я совершенно уверен. совершенно! Мама, я тебе уже говорил? Я везучий!

— Нет, не говорил, — отозвалась мать.

Ночью мальчик умер.

Он уже был мертв, а в ушах матери звучал голос брата:

— Бог мой, Эстер, на твое счастье и несчастье нашего бедного мальчугана, у тебя теперь целых восемьдесят тысяч. Бедный наш мальчик, бедный наш мальчик, может, это и к лучшему, что он ушел из жизни, которая заставляет ребенка скакать на деревянной лошадке, чтобы угадать победителя.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Название скачек.

Натаниэль Гулд (1857–1919) — английский журналист и писатель, автор многочисленных романов о скачках.

Самый большой городской парк Великобритании, расположен на юго-западной окраине Лондона.